

Колдовские *Миры*

ГАЛИНЫ ГОНЧАРОВОЙ

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

Азъ есмь СОФЪЯ
Царевна

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Азь есмь Софья. Царевна / Галина Гончарова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-699-86553-6

Над Русью вновь собирается гроза: совершают набеги крымчаки, готовится к войне турецкий султан, плетут интриги бояре...

Как тут остаться безучастной? Софья, любимая сестра царевича Алексея, просто обязана вмешаться. Предстоит новая кровавая сеча, в которой русичи и поляки должны плечом к плечу встать против общего врага. И выжить. И победить.

А чтобы помочь и брату, и родной стороне, нужно взять на себя тяжкий груз ответственности — строить корабли, организовывать производство оружия, налаживать отношения Руси с соседями... Разве смогла бы это все поднять обыкновенная царевна? Но по плечу ли эта ноша женщине из будущего?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86553-6

© Гончарова Г., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Страшишься выбирать, но жизнь тебя заставит,
Ответишь за себя — и чудом за других,
За тех, кого вчера себе не мог представить,
За тех, кто встанет рядом, за близких и родных.
Уже нельзя принять ничьи слова на веру,
Не знаешь, чем судьба возьмет с тебя долги,
Жестокая игра, не знающая правил.
Уходят вдаль друзья. Уходят вслед враги.
Решенья принимать — жестоко, беспощадно,
И самому себе не веря до конца,
Сбивая руки в кровь, ты понимаешь в страхе,
Что нет, не избежать, тернового венца.

1669 год

—Наташа, дружок мой, присядь поближе. Надобно тебе волосья получше убрать. Да мой жемчуг сегодня наденешь...

— Благодарю вас, тетушка.

Евдокия Матвеева оглядела девушку и кивнула.

Ну разве не хороша, разве не блестяще красива Наталья во всей своей юности?

Волосы черные, словно ночь, глаза крупные, черные, чуть навывкате, но ее это не портит, светлое платье ладно сидит на полной статной фигурке, соблазнительно показывая округлые плечи...

Просто восхитительна!

Неспроста так прихорашивала бесприданницу Евдокия, ой неспроста...

Дело происходило в доме Артамона Матвеева, а женщины были его близкими родственницами. Евдокия, в девичестве Мэри Гамильтон — супругой. Наталья же Кирилловна Нарышкина — воспитанницей.

Как дальновидный и умелый политик, Матвеев собирал людей впрок и давненько покровительствовал Кирилле Нарышкину. Но — не просто так.

Дочь Кириллы, Наталья, одна из всех его чад, воспитывалась у него в доме и достаточно давно — еще с той минуты, как заметил Артамон Сергеевич в юной девуш-

ке, почти девочке, недожиданный характер и холодную расчетливость.

Казалось, Наталью не интересует мирское, она любила ходить на кладбище, молиться об усопших, но в то же время... Обладая внутренней силой сам, Матвеев нутром чувствовал то же и в других людях. И будучи в гостях у Кириллы Нарышкина, приглядывался к его детям.

Наталья, старшая. Иван, Афанасий, Лев, Мартемьян, малыши еще, несмышлелыши — пока в детях не было ничего интересного, как и в их отце, Кирилле, которому и не надо было ничего, кроме его стрельцов, да вкусно покушать, да сладко выспаться. Но Наталья...

В том, как она отстраненно держала себя, как наклоняла голову, как пристально смотрела на собеседника — в самую его душу, чувствовалось в ней нечто расчетливое, жесткое...

Тогда и попросил он жену побеседовать с юной «черничкой».

Наталья была юна, но таиться от Мэри не стала. И тетушка с изумлением услышала, что семья Кирилла небогата, к царю-батюшке не приближена, а стало быть, на достойный брак Наталья рассчитывать не может. Нет, если бы эти слова произнесла ее мать! Мэри не удивилась бы, ибо то была чистая правда. Но — дочь?!

Дитя, которому и пятнадцати лет не сравнялось?

Наталья не скрывала своих намерений. Ей не хотелось выходить замуж за бедняка и всю жизнь рожать ему детей и высчитывать копейки. Юная девушка собиралась спокойно и расчетливо уйти в монастырь. Она была грамотна, хозяйственна, сознательно создавала себе славу богомолки — и хотела всем этим воспользоваться, чтобы стать игуменьей и обрести самостоятельность — и власть.

Не то чтобы ее не манило замужество, но с достойным — и никак иначе!

Мэри задумалась — и передала эти слова своему мужу, после чего побеседовать с девушкой пожелал уже сам боярин.

И услышал те же самые речи.

Решения Артамон Сергеевич принимал быстро и назавтра же говорил с Кириллой Нарышкиным о том, что дочь его надо забирать в столицу. В деревне сей дивный цветок зачахнет без ухода. В Москве же!..

О, в доме у Артамона Сергеевича бывает много людей — и в том числе даже бояре. Несомненно, юная Наталья составит достойную партию!

Возражал ли Кирилл?

Да он был счастлив, что с его шеи снимают лишний рот и что через дочь он еще более приближается к такому великому человеку, как боярин Матвеев!

Возражала ли Наталья?

Отнюдь. Девушка была полна решимости распорядиться неожиданной удачей как можно лучше — себе на пользу. И да, она умела быть благодарной. Она отлично понимала, что Матвеев потребует с нее плату за свои милости — ее ли делами, делами ли ее супруга, но собиралась отдать этот долг. А для начала...

Наталья училась.

Она бегло читала и достаточно сносно говорила на нескольких языках. Ловко научилась носить европейское платье и танцевать. Пела и музицировала. И, разумеется, не забывала молиться.

Матвеев был образован — и в его доме водились новейшие книги и пьесы из Европы. В том числе — и из Франции, где на сцене безраздельно царил господин де Мольер.

Его комедиями Наталья восхищалась и готова была перечитывать сотню раз. Особенно «Тартюфа».

Не бойся грешным быть, но бойся грешным слыть!

Если бы у юной Натальи был щит — она бы начертала на нем эти строки. И была благочестива, скромна и подчеркнута невинна.

А через пару лет Артамон Матвеев принялся подыскивать ей жениха.

Впрочем, Наталья охотилась на крупную дичь. А если быть точной — на царевича Кахети Ираклия. Сей достойный юноша с детства проживал при царском дворе под именем царевича Николая Давыдовича. Был он на тринадцать лет старше Натальи и, что приятно, — умен, красив, богат, пользовался поддержкой народа Кахети... Наталья даже была в него чуть влюблена.

А какими горячими черными глазами он глядел! Какие слова говорил!

Увидев юную Наталью в доме Артамона Матвеева — царевич сначала восхитился красотой юной девы. Потом оценил ее ум. А под конец, когда безумно захотел поймать в свои сети эту лакомую добычу — то и ее скромность, с которой девушка отвергала все домогательства.

Нет-нет, ни в коем разе! Честь моя — это все, что есть у меня...

Ираклий получил жесткий отпор — и вспылал еще больше, но покамест было не до брака.

Прелестница все-таки была не самого знатного роду, бедна, к тому же Артамон Матвеев тоже не торопился с обещаниями помощи возможному родственнику. А помощь Ираклию была нужна, очень нужна...

Пока на троне в Кахети сидел сын царя Картли — Арчил, пока его поддерживал отец...

Нужны были войска, деньги...

О, если б на то пошло, с большей радостью Ираклий породнился бы с русским царем, а прелестную Наталью забрал с собой в горы, но...

Царю такой «родственничек» тоже был особо не нужен. Алексей Михайлович предпочитал кормить кахетинца обещаниями, которые не шли дальше его двора.

Иракий находился в подвешенном состоянии — какая уж тут жена?

Наталья, впрочем, рассчитывала добиться своего, ибо слаще запретного плода — только два запретных плода. Но ей требовалось время.

— У нас гости сегодня, тетушка?

— Да. Его величество и его высочество, — на иностранный манер назвала царя и царевича Мэри. — И я попрошу тебя подать им легкую закуску.

— Как прикажете, тетушка.

— Иракий покамест еще молчит?

— Да, тетушка.

— Ничего страшного. Подождем чуть...

— Мне ведь осьмнадцать лет, тетушка...

— В монастырь ты всегда успеешь, — безжалостно отрезала Мэри, зная, что такой тон с Натальей действовал лучше всего. И верно, девица чуть надула малиновые губки и принялась осторожно укладывать в сложную прическу черные пряди.

Царь... ну что же, что царь. Старый он уже, да и по жене горюет, вот дядюшка и пригласил его — выступления домашнего театра посмотреть, побеседовать.

А что до царевича — Наталья и не видела его ни разу. Не дружен был молодой Алексей Алексеевич с боярином Матвеевым — вот и не бывал у того в доме, как ни приглашал его боярин, как уж ни улещивал. Разве что сегодня...

— Тетушка, так дядюшка с царевичем замирился?

— Не твоего ума дело, — отрезала Мэри. Наталья пожала плечами.

О неприязни Алексея Алексеевича... даже не так — неблаговолении его боярину Матвееву разве что воро-

ны на деревьях не знали. А так вся Москва шепталась, что как царевич на троне окажется, так Матвееву и ехать в ссылку в поместье дальше.

Мэри вспомнила, как муж сжимал кулаки.

— Щенок! Сопляк!

— Успокойся, любовь моя. Что случилось?

— Да царя я к себе пригласил... хотел Алексея Михайловича развезть, чай, после смерти жены он все горюет. И на тот момент сынок его рядом оказался, старшенький.

— И?

— Так Алексей Михайлович и сына с собой позвал, мол, пойдешь, сынок? Душой развезаться... А этот недоросль смотрит на меня, как на вошь, и издевательски так отвечает — ради батюшкиной воли он и в огонь пойдет, не то что комедии смотреть, когда матушки всего пару месяцев как не стало.

— Ох ты Господи!

Мэри была умна и отлично понимала, что это значит. Это уже было не просто неприятие. Мальчишка показывал зубки. А учитывая, что обаяние Артамона на щенка не подействовало, да и согнуть царевича не удалось — все становилось весьма опасно...

Придет он к власти — все попомнит.

Фактически царевич предлагал Артамону Матвееву не зарываться и придержать свои усилия по пролезанию в царские ближники, а не то ведь... сочтемся.

— Хоть и не комедия это вовсе, а библейские сцены о трех юношах в печи огненной. Старец Симеон написал...¹

Мэри это не утешило. О том, как старец Симеон из Дьяково вылетел, тоже вся Москва знала. Увы...

---

¹ В реальной истории он так же писал сию пьесу, но представляла ее царевна Софья. Т. к. в данном случае это невозможно, вполне естественно для Симеона было договориться с Матвеевым. (Здесь и далее примеч. автора.)

* * *

— Сонюшка, ну что за... свинство! На матушкиной могиле земля осесть не успела, а Матвеев... Гнида!

— Блюдолиз он и властолюбец, — Софья пожала плечами, глядя на братца Алешеньку, — что ты хочешь, ему при царе быть охота, а следующим царем ты быть должен. Вот и подлизывается, старый лис...

— Ничего, я его хорошенько осадил сегодня...

— А отец не прогневался?

— Смутился батюшка, но пойти решил.

— Ну и ты сходи. Только помни, что в доме Матвеева тебя опутывать по рукам и ногам будут.

— Порвем любые путы!

Алексей Алексеевич рассмеялся, передернул плечами — и Софья залюбовалась братом.

И когда успел вырасти?

Как сейчас помнила шестилетнего рыхлого мальчишку со щеками, из-за которых ушей видно не было! Зато сейчас!

Стоит этакий юноша, высокий, подтянутый, стройный, сильный. Вон плечи какие широкие, глаза синие, волосы золотые кольцами по плечам — погибель девичья! И с саблей ловок, и с лошадьми — казаки на-таскали.

Да и с девками...

Софья мыслей на ветер не бросала. Были у нее несколько девушек, которые слабы были на это дело. Да настолько, что замуж их выдать возможным не представлялось — прибьет же любой мужик такую гулящую.

Софья сильно подозревала, что это не бешенство матки, а юная дурь. Да и гуляли они ради удовольствия, накоются — успокоятся. А пока...

Не гнать же их от себя?

Конечно, нет! Использовать!

Только за здоровьем следить — и тщательно. С каждой из четырех девушек Софья провела личную беседу — и каждая понимала, что благополучие ее зависит от царевны. Софья будет и терпеть, и прикрывать, и с детьми поможет, буде те появятся, и лекаря даст, опять же, но...

Ежели царевна попросит с кем-то специально закрутить, уж не откажи в любезности!

Ни одна из девушек не отказалась. Тем более было оговорено, что подарки, деньги и прочее, чем сочтет нужным одарить полюбовник, — при них и останется. Софье ни гроша медного не надобно. И где еще можно такие райские условия найти?

Девушки молиться готовы были на свою благодетельницу. И ежели ради нее потребуется поиграть в перстенок да свачку с парой бояр... ну так что же?

Невеликая цена за благополучие.

Так что пару недель назад, оказавшись в Дьяково, Софья переговорила с одной из девушек, Ефросиньей. Было сделано честное предложение, проведен осмотр у лекаря — и Алексей Алексеевич проснулся от нежного поцелуя, на который ответил раньше, чем успел включиться мозг. А потом и включаться было незачем. Основной инстинкт прекрасно сработал вместо разума.

Фрося была умна и отлично понимала, что замуж за царевича ей не выйти, а потому и привязывать его к себе ни к чему. Научить всему, что мужчина должен уметь, да и уйти, оставив по себе добрую память. Тогда и ей приданое большое будет, и царевна клялась, что всегда ей поможет, а то и ее детям, да и царевич...

Первую женщину обычно не забывают. А если все провести правильно — Алексей Алексеевич ее долго добрым словом вспоминать будет.

Кто бы сказал Фроське-карманнице, что она в постели с царевичем окажется...

Ведь на улице жила, воровала, потом попала в руки страже, а те ее привели на двор к боярину Стрешневу. А оттуда — к царевне в услужение. По первости думала она сгрести побольше золотишка в карманы да сбежать, даже и приглядывать начала, что бы взять, а потом, как разобралась, куда попала да чему ее учат...

Да она каждое утро молилась и за царевича Алексея, и за сестру его Софью, и за добрую тетку Анну! А бежать?.. Где она еще такие райские условия сыщет?

Так что за брата Софья была более-менее спокойна.

На чем ломаются мужчины?

Деньги? Есть.

Власть? Куда уж больше, второе лицо в государстве!

Женщины...

Теперь и тут соломки подстелили.

— Все равно поберегись. Матвеев — та еще гадина.

— Зато народ его хвалит.

— А это главный показатель, — усмехнулась Софья.

Из своего опыта она отлично знала, что больше всего хвалят как раз негодяев, а уж кто... народ ли, СМИ ли... да какая разница?

Грамотно организованная пиар-кампания — это практически философский камень. Превращает любое дерьмо в золото!

Алексей уселся на край стола и взъерошил сестренке волосы.

— Сонька, ты у меня чудо!

— Я рада, что ты это осознаешь, — ухмыльнулась Софья, выдергивая из-под братского седалища очередной документ. — Расскажешь, как вернешься?

— Ты спать уже будешь...